

Social psychology of the crowd in the works of foreign scientists of the late 19th – early 20th century

N. A. Vlasov¹

¹Gannushkin Psychiatric Hospital, 3 Poteshnaya str., Moscow, 107076, Russian Federation

DOI: 10.18255/1996-5648-2022-2-234-343

Research article
Full text in Russian

The article examines the ideas about the socio-psychological characteristics of the crowd described in the works of foreign scientists of the late 19th – early 20th century, analyzes the works on this topic by S. Sighele, G. Le Bon, G. Tarde, O. Cabanes and L. Nass. In the course of the study, a generalized picture of the views of these specialists on the phenomenology of large social groups was obtained. In general, it is recognized that the crowd is impulsive, unstable, irresponsible, susceptible to suggestions, gullible, intolerant and conservative. The behavior of an individual in a group differs from his behavior outside it, and the average intelligence of the crowd is generally lower than the individual. Of particular interest in the works under consideration is the criminal crowd, in which all the features of large social groups are expressed to an extreme degree. Its features are the susceptibility to imitation and suggestion, large numbers, moral intoxication, actualization of instinct and the specific, mostly marginal composition of the crowd. The merging of individuals into a crowd occurs with the help of a community of ideas and beliefs, through suggestion and imitation. The results obtained in the course of the study can be used both in social and political psychology and in historical science, where the scope of their application is outlined by the boundaries of mass phenomena of the past, present and future.

Keywords: social psychology; crowd; large social group; suggestion; imitation; beliefs

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Vlasov, Nikita A. | E-mail: vlasov@psyinst.moscow
| Cand. Sc (Psychology)

Социальная психология толпы в работах зарубежных ученых конца XIX – начала XX века

Н. А. Власов¹

¹Психиатрическая клиническая больница № 4 им. П. Б. Ганнушкина, ул. Потешная, 3, Москва, 107076, Российская Федерация

DOI: 10.18255/1996-5648-2022-2-234-343
УДК 316.62

Научная статья
Полный текст на русском языке

В статье рассматриваются представления о социально-психологических особенностях толпы, описанные в работах зарубежных ученых конца XIX – начала XX века, анализируются труды по данной тематике С. Сигеле, Г. Лебона, Г. Тарда, О. Кабанеса и Л. Насса. В ходе исследования получена обобщенная картина взглядов указанных специалистов на феноменологию больших социальных групп. В целом признается, что толпа импульсивна, неустойчива, безответственна, податлива внушениям, легковерна, нетерпима и консервативна. Поведение индивида в группе отличается от его поведения вне ее, а усредненный интеллект толпы оказывается в целом ниже индивидуального. Особый интерес в рассматриваемых работах вызывает преступная толпа, в которой все особенности крупных социальных групп выражены в крайней степени. Ее особенностями являются подверженность подражанию и внушению, большая численность, нравственное опьянение, актуализация инстинкта и специфический, преимущественно маргинальный состав толпы. Слияние индивидов в толпу происходит при помощи общности идей и верований, посредством внушения и подражания. Полученные в ходе исследования результаты могут быть использованы как в социальной и политической психологии, так и в исторической науке, где область их приложения очерчивается границами массовидных явлений прошлого, настоящего и будущего.

Ключевые слова: социальная психология; толпа; большая социальная группа; внушение; подражание; верования

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Власов, Никита Анатольевич | E-mail: vlasov@psyinst.moscow
Кандидат психологических наук

Введение

Социальные группы являются одним из основных предметов изучения социальной психологии, социологии, политологии и антропологии. Понимание культурно-исторической природы становления личности человека невозможно без понимания того общественного поля, продуктом которого он в значительной мере является. Системный характер всей внешней и внутренней реальности требует рассмотрение психики не как изолированного

© Власов Н. А., 2022

Статья открытого доступа под лицензией CC BY (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>)

феномена, а как сложного явления, включенного в множество разнообразных структур, в том числе и социальных.

В последнее время массовидные психические явления продолжают наблюдаться не реже, а порой и чаще, чем раньше. Погромы после убийства Дж. Флойда, организованные движением «Black Lives Matter» в США (2020), массовые протесты из-за введения карантинных ограничений по причине пандемии COVID-19 в Европе (2020–2021), штурм Капитолия после проигрыша президентских выборов Д. Трампом в США (2021), беспорядки в начале 2022 года в Казахстане – это лишь некоторые примеры деструктивных действий толп за последние два года. Если же взять, скажем, период длиной в 10 лет, то таких массовых выступлений наберется намного больше.

Различные аспекты социальных групп рассматриваются в трудах как отечественных (В. В. Новиков [1]; Г. Ю. Чернов [2]; А. В. Юревич [3]; А. Л. Журавлев, В. А. Соснин, Д. А. Китова и др. [4]), так и зарубежных (Р. Бэрн, Д. Бирн и Б. Джонсон [5]; С. Московичи [6]; Д. Майерс [7]; Р. Чалдини, Д. Кенрик, С. Нейберг [8]) авторов. Традиционно такие общности делятся на два типа (большие и малые), хотя в последние годы все больший интерес привлекают средние социальные группы [9]. Вместе с тем количество исследований малых общностей превалирует над количеством исследований больших, что связано в первую очередь с их лучшей теоретической разработанностью и методологической «доступностью».

Вследствие этого большие группы, в том числе толпы, часто оказываются на периферии социально-психологических исследований, что, несомненно, не отвечает современным реалиям. Можно ли, стремясь познать их феноменологию, обратиться к трудам ученых (психологов, социологов, правоведов и др.), написанным более чем сто лет назад? По всей видимости, ответ на этот вопрос будет положительным, так как в то время, на рубеже XIX и XX века, толпы представляли особый интерес для исследователей, а на потенциальную критику такой позиции с точки зрения «устарелости» полученных тогда знаний для современного мира можно ответить словами выдающегося философа прошлого века Л. Витгенштейна: «Проблемы разрешаются не получением новых данных, но упорядочиванием того, что давно известно» [10].

Ход и результаты исследования

Еще с конца XIX века объектом социально-психологических исследований в истории были так называемые массовидные психические явления. Феномен преступной толпы изучался итальянским социологом и криминологом Сципионом Сигеле (Scipio Sighele, 1868–1913). В его книге «Преступная толпа. Опыт коллективной психологии» («La corgia criminale»), изданной в 1892 году, проводится анализ совершающих преступление больших социальных групп. С точки зрения автора, толпа является разнородным организмом, включающим в себя людей обоих полов различной классовой принадлежности, отличающихся в возрастном отношении.

Толпа, по Сигеле, становится преступной по следующим причинам:

- Подверженность подражанию и внушению – в толпе актуализируются массовые психические процессы, связанные с повторением определенных действий и со сниженной критичностью [11].

- Большая численность – чем больше численность толпы, тем сильнее размывается индивидуальная ответственность каждого из ее участников и тем более заметным становится ощущение собственной безнаказанности [11]. При этом, как отмечает Сигеле, «толпа – это среда, где микроб зла развивается более легко, чем микроб добра».

- Нравственное опьянение – в преступной толпе человек не чувствует себя более стесненным в своем поведении рамками общества вообще, ведь окружающий его микросоциум в данный момент состоит из таких же индивидов, как и он сам. Вследствие этого каждый член толпы ориентируется не на социальные нормы «вообще», а на сиюминутные «нормы» своего действующего окружения. В результате этого толпа присваивает себе право быть и судьей, и палачом [11].

- Актуализация инстинкта убийства – в кризисной ситуации у многочисленной и опьяненной вседозволенностью толпы просыпается желание убивать других людей. При этом не требуется особого рационального объяснения для выбора жертвы, достаточно лишь одного вскрика для того, чтобы пролилась кровь [11].

- Специфический состав толпы – «ударным ядром» преступной толпы являются различные маргинальные слои – бродяги, преступники, сумасшедшие и алкоголики [11]. Хотя в такой стихийной группе много представителей более социализированных общностей, наиболее активными являются именно представители «вырождающихся типов».

Для иллюстрации вышеописанных тезисов Сигеле выбрал, как и многие его современники, Великую французскую революцию. Все указанные особенности преступной толпы проявились во время нее максимально отчетливо: внушаемость и ведомость, многочисленность, стремление судить и карать, кровожадная жесткость и склонность к садизму, большой процент умалишенных и преступников среди бунтовщиков.

Одним из основоположников социально-психологических исторических исследований можно считать французского психолога, историка и социолога Гюстава Лебона (Gustave Le Bon, 1841–1931). Его известная работа «Психология масс» («Psychologie des Foules») была издана в 1895 году и с тех пор является признанным эталоном в трудах, посвященных психологии больших социальных общностей.

В введении к книге автор провозглашает «эру масс», эпоху, когда именно массы определяют облик современного мира: «Массы диктуют правительству его поведение, и именно к их желаниям оно и старается прислушиваться. Не в совещаниях государей, а в душе толпы подготавливаются теперь судьбы нации» [12]. Однако в этой тенденции Лебон не видит ничего хорошего, считая, что цивилизации создавались горсткой интеллектуалов-аристократов, а эра толп знаменует собой откат к варварству.

С социально-психологической точки зрения автор рассматривают «душу толпы», то есть ее коллективную психику. Индивиды объединяются в такую группу, следуя «психологическому закону духовного единства толпы», который заключается в формировании коллективной души; это новое групповое психическое образование побуждает каждого человека испытывать эмоции, мыслить и вести себя образом, отличным от того, как он ведет себя в отдельности. В качестве иллюстрации этого тезиса Лебон приводит пример отказа от своих привилегий аристократией 4 августа 1789 года во время Великой французской революции: коллективное отречение от таких благ стало возможным в условиях, когда каждый дворянин по отдельности не захотел бы этого сделать [12].

Оценивая коллективный интеллект толпы, автор ставит его ниже по сравнению с интеллектом отдельного индивида. Но если сравнение провести в плоскости чувств и поступков, то она может вести себя лучше или хуже обычного человека с моральной точки зрения. Признавая преступность толпы, как это делали и многие другие его современники, Лебон акцентирует и способность ее к героическим поступкам, таким как участие в первом крестовом походе или защита французами Республики во время Войны первой коалиции.

Проводя социально-психологическое исследование толпы, автор выделяет пять ее основных характеристик [12]:

- Импульсивность, изменчивость и раздражительность – импульсы, направляющие толпу, намного превосходят желания отдельных индивидов, однако они неустойчивы во времени и могут меняться на диаметрально противоположные. Кроме того, поведение толпы всегда непреднамеренно, ее действия не имеют заранее определенного смысла;

- Податливость внушениям и легковерность – в силу сниженного коллективного интеллекта толпа оказывается подвержена внушению, принимая некритично на веру любую информацию. Из этого тезиса делается вывод о недостоверности многочисленных личных свидетельств участников исторических событий;

- Преувеличение и односторонность чувств – крупные массы людей имеют тенденцию к гипертрофированному переживанию негативных и позитивных эмоций, а их восприятие характеризуется низким уровнем избирательности. При этом обе эти особенности усиливаются отсутствием индивидуальной ответственности каждого члена толпы, так как она имеет свойство распределяться между ними. В наше время этот феномен известен как делегирование ответственности группе;

- Нетерпимость, авторитетность и консерватизм – толпа испытывает только крайние чувства, радикальные мысли, она не признает полутонов, воспринимая какую-то идею как абсолютно истинную (правильную) или, наоборот, абсолютно ложную (неправильную). Такая масса совершенно уверена в своем авторитете и легко изгоняет такого вожака или оратора, который пытается ей прекословить. При этом большие социальные группы склонны

к консерватизму и их революционность представляет собой всего лишь временную вспышку эмоций. В качестве примера этого тезиса Лебон приводит позитивное отношение якобинцев к узурпации власти Бонапартом;

· Нравственность – толпа всегда имеет определенный моральный облик, который может быть как негативным (в случае, например, издевательств над своей жертвой), так и позитивным (на примере того же первого крестового похода или волонтеров 1793 года).

С когнитивной точки зрения толпа может иметь идеи, определенным образом рассуждать и воображать [12]. Коллективные идеи, по Лебону, делятся на временные и устойчивые. К первым можно отнести внезапно возникающее и также быстро проходящее преклонение перед каким-то лидером; ко вторым – более устойчивые образования, такие как философские идеи Просвещения, которые потребовали почти столетия для закрепления в массовом сознании, однако оказались весьма стойкими во времени. Рассуждения толпы, хоть и схожи по своему ассоциативному характеру с более возвышенным мышлением, являются зачастую паралогичными, они связывают разнородные по своей сути вещи и чрезмерно обобщают частности. Наконец, воображение представляет собой источник образов, управляющих толпой; следовательно, оперирование воображением позволяет манипулировать такой человеческой массой.

Лебон считал, что детерминанты мнений и верований толпы можно разделить на отдаленные и непосредственные. В первую категорию он включил такие переменные, которые делают толпу способной к восприятию определенных убеждений и резистентной к другим взглядам [12]. К таковым автор отнес расу, традиции, время, политические и социальные учреждения, образование и воспитание.

К непосредственным факторам мнений и верований толпы могут быть отнесены такие факторы, которые «надстраиваются» над подготовленным отдаленными переменными базисом [12]. Можно сказать, что эти факторы действуют на толпу «здесь-и-сейчас», то есть актуализируются в текущем социально-историческом контексте. В эту категорию автором были включены: образы, слова и формулы, обладающие сильным влиянием на людей, даже если они до конца и не понимают их значения (например, «свобода», «равенство», «социализм» и др.); иллюзии, например религиозные, во имя которых воздвигались храмы и начинались войны; опыт, особенно масштабный, такой как Великая французская революция (Лебон называет такой опыт «гигантским»), способный укрепить или разрушить верования; рассудок, но придерживающийся не ординарной аристотелевской логики, а сиюминутного настроения толпы.

Верования сами по себе делятся Лебоном на две основные группы [12]. К первой относятся постоянные верования, то есть свойственные определенной крупной социальной общности представления о себе и мире, как, например, восприятие римлянами себя как центра цивилизации, противостоящего варварскому окружению. Такие убеждения устойчивы во времени

и тяжело поддаются искоренению. Верования, относимые автором ко второй группе, можно скорее считать мнениями; они чрезвычайно изменчивы, так как не проистекают из постоянных верований, и их динамизм поддерживается за счет деятельности печатных органов. Иллюстрируя эту текучесть, автор приводит пример того, как всего лишь за одно поколение (1790–1820) общественное мнение трансформировалось от монархического к республиканскому, затем к имперскому, а позже снова к монархическому.

В конце своего труда Лебон приводит собственную классификацию видов толпы по критерию психологической гомогенности, которая бывает разнородной и однородной, а также более подробно останавливается на преступной и избирательной ее разновидностях [12]. Преступная толпа направляется мощными внушениями и убеждена в правоте своих действий, что, собственно, и отличает ее от обычного преступника. В социальной массе такого рода часто стираются понятия морали и нравственности, вернее, они временно изменяются согласно требованию момента; так, во время «сентябрьской резни» 1792 года ее участники были искренне уверены в том, что, жестоко убивая дворян и священников, они совершают благое дело.

С представлениями Лебона о сущности крупных социальных групп и их влиянии на ход исторического процесса полемизирует социолог, юрист и психолог Габриэль Тард (Gabriel Tarde, 1843–1904). Соглашаясь с Лебоном в вопросе влияние масс на политику в прошлом, настоящем и будущем, Тард в своей работе «Мнение и толпа» («L'opinion et la foule»), изданной в 1901 году, предлагает разграничивать понятия «толпа» и «публика». Признавая, что «психология толпы выяснена», он дает следующее определение публики: «[публика это] чисто духовная совокупность, группа индивидуумов, физически разделенных и соединенных чисто умственной связью» [13]. Для того чтобы четко разделить эти два понятия, автор предлагает следующие критерии: эволюцию (у публики она существенно более продвинута, чем у толпы), нетерпимость (толпа существенно более нетерпима и менее скептична по сравнению с публикой), устойчивость (толпа легко образуется и также легко распадется под действием множества факторов, в то время как публика существенно более стабильна), влияние лидера (толпа сама может породить вожака согласно своим сиюминутным предпочтениям, в то время как публика несет на себе отпечаток своего вдохновителя или создателя). Публика, если сравнивать ее с толпой, менее податлива внушению, в некотором смысле более разумна, чем толпа; толпа же «безумна», она отличается «гордостью, нетерпимостью, неумеренностью во всем» [13].

Отдельное место в работе Тарда посвящено проблеме преступности больших социальных групп. Автор пишет, что «существует публика преступная, кровожадная», однако по сравнению с преступной толпой она «действительнее, утонченнее, глубже, непростительнее». Тард определяет четыре особенности, различающиеся у преступных публики и толпы: (1) преступления публики производят менее отталкивающее впечатление; (2) у публики деяния связаны не столько с мстью, сколько с корыстью, в том числе полити-

ческой, в силу чего представляются менее жестокими, но более коварными; (3) давление публики более масштабно и продолжительно во времени; (4) преступления публики характеризуются большей безнаказанностью [13]. Ее жестокие деяния подвижны не вспышками гнева, как это бывает у разгоряченной толпы, а страха; иллюстрируя этот тезис, Тард приводит пример «Сентябрьской резни», которая возникла из страха революционных масс перед одновременным наступлением на Париж прусско-австрийской армии и восстанием роялистов в самом городе. Однако действия преступных публик и толп не исключают, а часто дополняют друг друга. Так, за совершающей зверства толпой часто таится публика, возбуждая и направляя ее гнев.

Изучая зарождение и генезис публики, Тард приходит к выводу, что во Франции она появилась при Людовике XIV, однако наибольшего влияния достигла уже во второй половине XVIII века, в эпоху Просвещения. Автор связывает это с развитием политического сознания парижской преимущественно публики, которое формировалось в результате «распространения газет, пожираемых с жадностью» [13]. Сравнивая Великую французскую революцию с мятежами Фронды, Тард приходит к выводу, что основным социальным агентом первой была именно публика, поэтому она и смогла добиться столь значительных результатов в ломке «Старого порядка», в то время как бунтующие толпы прошлого оказались бессильны перед этим.

Допуская одновременное сосуществование и толпы, и публики, автор делает акцент на том, что во время революции во Франции наиболее активной была именно публика Парижа, что опять-таки он связывает с тем влиянием, которое на нее оказывали газеты, единственная в то время форма средств массовой информации [13]. В остальных же частях королевства, отчасти подражая населению столицы, действовали именно толпы.

Отмечая всевозрастающее значение публики в истории, Тард отвергает лебоновскую «эру толпы», предлагая заменить ее «эрой публики или публик» [13]. Согласно ему толпа, будучи способной оказывать влияние на принятие определенных решений, не имела долгосрочного влияния. Под давлением мятежников власти могли пойти на временные уступки, однако после подхода правительственных войск и расправы над бунтовщиками все возвращалось на круги своя. Влияние же публики существеннее, устойчивее во времени; это сила, которая уже может в определенной степени навязывать властям свои желания и условия, поэтому последним вынужденно приходится считаться с ее мнением. В этом и состоит историческое отличие толпы от публики, что и позволило Тарду сделать вывод о несостоятельности концепции «эры толпы» Лебона.

Еще одним классиком социально-психологических исследований в истории можно считать врача и литератора Огюстена Кабанеса (Augustin Cabanès, 1862–1928). В изданной совместно с доктором Л. Нассом в 1906 году монографии «Революционный невроз» («La Névrose révolutionnaire») авторы рассматривают Великую французскую революцию как своего рода психическую бо-

лезнь, охватившую целую нацию. Это и не удивительно, потому что Кабанес, будучи практикующим медиком, написал в общей сложности более 20 работ, посвященных медицине.

В первом разделе книги авторы описывают основные особенности революционной толпы. Таковых они выделяют три [14]:

- Подверженность страху – люди оказываются охвачены страхом, который распространяется быстрее чумы. «Великий страх» времен Французской революции представляет собой тотальную фобию целой нации вне зависимости от классовой принадлежности: дворяне и священники боятся расправ со стороны «черни», та в свою очередь боится мести со стороны представителей первых двух сословий, а также опасается прусских и австрийских интервентов. Все боятся всех;

- Садистическое безумие – жесткость, доходящая до изуверства, свойственная революциям. Эта особенность революционной толпы предопределяется и во многом подогревается страхом. Сентябрьские расправы 1792 года, как справедливо на это указывал ранее Тард, были результатом охватившей парижан паники. Для того чтобы проиллюстрировать степень выраженности садистического безумия во время революции, авторы посвящают целую главу подробному описанию кровавого убийства принцессы Ламбаль, приближенной королевы Марии-Антуанетты;

- Патриотическое бичевание – стремление к физическим наказаниям врагов революции во имя «нации и родины». Экзекуции такого рода являются болезненными и попирающими человеческое достоинство. Кабанес и Насс описывают настоящую эпидемию порки розгами во время событий, последовавших за взятием Бастилии. Секли в первую очередь бывших господ и представителей духовенства, однако доставалось и психически больным людям (например, в больницах Сальпитриер и Бисетр) и простому люду, который мог быть лишь только заподозрен в симпатиях к первым двум сословиям или прусско-австрийским интервентам.

Отдельной проблемой, рассматриваемой в работе Кабанеса и Насса, является проблема жизни и смерти во время революции. Авторы указывают, что отличительной чертой подобных словес устоявшегося социального порядка является «подчинение законов и правосудия грубой силе» [14]. На таком фоне «Старый режим» выглядит намного более милосердным, так как революционеры возводят насилие в повседневную практику управления. Их знаменитые новации – революционный трибунал и система Террора, при котором целые сословия подвергались репрессиям, и даже условно «своим» (например, Ж. Дантон или Ж.-Р. Эбер) не гарантирована безопасность. В новых реалиях происходит стремительная девальвация стоимости человеческой жизни, которая проявляется как в уничтожении одних людей другими, так и в самоуничтожении, то есть в целой эпидемии суицидов [14].

Заключение

Социальная психология толпы рассматривается авторами с двух основных позиций: особенностей толпы и механизмов ее образования и поддер-

жания единства. В целом признается, что толпа импульсивна, неустойчива, безответственна, податлива внушениям, легковерна, нетерпима и консервативна. Поведение индивида в группе отличается от его поведения вне ее, а усредненный интеллект толпы оказывается в целом ниже индивидуально-го. Следует разделять публику и толпу, которые отличаются по ряду критериев (эволюция, нетерпимость, устойчивость, влияние лидера); зарождение и генезис публики он связывает с развитием общественного мнения, создаваемого газетами. Особый интерес в рассматриваемых работах вызывает преступная толпа, в которой все особенности крупных социальных групп выражены в крайней степени. Ее особенностями являются подверженность подражанию и внушению, большая численность, нравственное опьянение, актуализация инстинкта и специфический, преимущественно маргинальный состав толпы. Слияние индивидов в толпу (не в физическом, а психологическом смысле) происходит при помощи общности идей и верований, посредством внушения и подражания. Полученные результаты могут быть использованы как в социальной и политической психологии, так и в исторической науке, где область их приложения очерчивается границами массовидных явлений прошлого, настоящего и будущего.

Ссылки

1. Новиков В. В. Социальная психология: феномен и наука. М.: Институт психотерапии, 2003. 344 с.
2. Чернов Г. Ю. Социально-массовые явления: Исследовательские подходы. Дубна: Феникс+, 2005. 208 с.
3. Юревич А. В. Психология социальных явлений. М.: Институт психологии РАН, 2014. 349 с.
4. Массовое сознание и поведение: Тенденции социально-психологических исследований / А. Л. Журавлев [и др.]. М.: Институт психологии РАН, 2017. 424 с.
5. Бэрон Р., Бирн Д., Джонсон Б. Социальная психология: ключевые идеи. СПб.: Питер, 2003. 512 с.
6. Социальная психология / под ред. С. Московичи. СПб.: Питер, 2007. 592 с.
7. Майерс Д. Социальная психология. СПб.: Питер, 2014. 800 с.
8. Кенрик Д., Нейберг С., Чалдини Р. Социальная психология. СПб.: Питер, 2016. 848 с.
9. Карпов А. В., Власов Н. А. Средняя группа как предмет изучения социальной психологии // Вестник Удмуртского университета. Серия Философия. Психология. Педагогика. 2017. Т. 27, № 3. С. 311–314.
10. Витгенштейн Л. Философские исследования. М.: АСТ, 2019. 352 с.
11. Сигеле С. Преступная толпа. М.: Ин-т психологии РАН; Изд.-во «КСП+», 1999. 320 с.
12. Лебон Г. Психология толп // Психология толп. М.: Ин-т психологии РАН; Изд.-во «КСП+», 1999. С. 15–256.
13. Тард Г. Мнение и толпа // Психология толп. М.: Ин-т психологии РАН; Изд.-во «КСП+», 1999. С. 257–408.
14. Кабанес О, Насс Л. Революционный невроз. М.: Академический проект, 2018. 367 с.